

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-51-58>

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ОТ ПОТЕСТАРНЫХ ФОРМ К СОВРЕМЕННЫМ МЕХАНИЗМАМ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ

Ширяева Т.Ю.

ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
(Азовская ул., д. 2, корп.1, г. Москва, Россия, 117638)

Ссылка для цитирования: Ширяева Т.Ю. Эволюция института публичной власти и государственного принуждения от потестарных форм к современным механизмам цифрового контроля. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):51–58. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-51-58>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Ширяева Татьяна Юрьевна, аспирант ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», прокурор отдела по рассмотрению обращений и приему граждан прокуратуры Краснодарского края

Адрес: Азовская ул., д. 2, корп.1, г. Москва, Россия, 117638

Тел.: +7 (495) 621-00-95

E-mail: shiryaeva03@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.07.2026

Статья принята к печати: 25.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: *Актуальность* темы исследования продиктована эволюцией механизмов государственного принуждения в условиях современной информационно-цифровой среды. Принуждение перестает носить сугубо силовой характер, постепенно снижается его репрессивно-карательное значение. Возникновение новых видов цифрового принуждения (биометрический контроль, транзакционное вето и иные) требует пересмотра правовой природы и содержания данного явления. Существующие теоретические концепции не в полной мере раскрывают данный процесс.

Целью работы является системный историко-теоретический анализ процесса эволюции государственного принуждения, выявление факторов и условий, ему способствовавших, а также определение правовых границ применения принудительных мер в эпоху цифровизации.

Научная новизна заключается в обосновании комплексного подхода к пониманию правового принуждения в эпоху цифровизации с позиции «антропоцентризма». В работе доказывается, что цифровые технологии, включая автоматизированные системы управления, следует расценивать исключительно как вспомогательный инструмент, используемый в строго ограниченных нормах права предела, а не как самодостаточный источник властного воздействия.

Методологическую основу исследования составляют диалектический, историко-правовой, формально-юридический и системно-структурный методы. Кроме того, проведен ретроспективный анализ этапов становления института принуждения, в том числе с описанием практики применения современных цифровых платформ (на примере механизма Центрального банка Российской Федерации «Знай своего клиента»).

Теоретические *выводы* работы могут быть использованы для дальнейшего развития доктрины публичного права, *практическая значимость* заключается в возможности применения сформулированных положений при формировании законодательных подходов к регламентации цифровых форм государственного принуждения.

Ключевые слова: государственное правовое принуждение, догосударственная власть, публичная власть, генезис власти, цифровой контроль, алгоритмизированное управление, легитимность, антропоцентризм.

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF PUBLIC POWER AND STATE COERCION FROM POTESTARY FORMS TO MODERN MECHANISMS OF DIGITAL CONTROL

Tatyana Yu. Shiryayeva

FGKOU VO "The University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation"
(Azovskaya str., 2, bldg. 1, Moscow, Russia, 117638)

Link for citation: Shiryayeva T.Yu. The evolution of the institution of public power and state coercion from potestary forms to modern mechanisms of digital control. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):51–58. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-51-58>

CONTACT INFORMATION:

Tatyana Yu. Shiryayeva, Postgraduate Student of the FGKOU VO "The University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation", Prosecutor of the Department for Consideration of Appeals and Reception of Citizens of the Prosecutor's Office of the Krasnodar Territory

Address: Azovskaya str., 2, bldg. 1, Moscow, Russia, 117638

Tel.: +7 (495) 621-00-95

E-mail: shiryayeva03@gmail.com

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.07.2026

The article has been accepted for publication: 25.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The *relevance* of the research topic deals with the evolution of mechanisms of state compulsion in the terms of the modern information and digital space. State compulsion is not just a tool of force, its repressive significance is decreasing, but its understanding is becoming more legal and legitimate way of regulating social relations. There are new forms of digital compulsion (biometric control, transactional veto, etc.) and they require a reinterpretation of the legal nature and sense of the phenomenon. The present theoretical and legal models do not fully disclose this process.

The *purpose* of the article is to conduct a complex historical and theoretical analysis of the process of state compulsion evolution, to identify the factors and conditions of its transformation from a potestary form of power to modern digital algorithmic mechanisms, and to determine the legal boundaries for applying compulsion measures in the era of digitalization.

The *scientific novelty* is connected with an integrative way of understanding state power in the era of digitalization from the perspective of anthropocentrism. The article proves that digital technologies, including algorithmic management, should be considered as a secondary tool based on the law, and not as an independent source of power.

The *methodological basis* of the research consists of dialectical, historical-legal, formal-legal, and systemic-structural methods. In addition, a retrospective analysis of the stages of formation of the institution of coercion was carried out, including a description of the practice of applying modern digital platforms (using the example of the «Know Your Client» mechanism of the Central Bank of the Russian Federation).

The *theoretical conclusions* of the work can be used for the further development of the doctrine of public law; the *practical significance* lies in the possibility of applying the formulated provisions in the formation of legislative approaches to the regulation of digital forms of state coercion.

Keywords: state law compulsion, potestary form power, public power, evolution of power, digital control, algorithmic management, legitimacy, anthropocentrism.

Введение

Необходимость исследования процесса, факторов и условий трансформации власти, эволюции института государственного принуждения имеет фундаментальное значение, обусловленное как теоретическими, так и практическими причинами, так как понимание генезиса данного феномена диктуется условиями смены парадигм – от отождествления принуждения преимущественно с «орудием подавления и навязывания воли» к пониманию данного феномена как легального и легитимного правового инструмента в рамках правозащитной концепции государства.

Как справедливо отмечает Л.С. Чернова, современные концепции принуждения в теории права требуют постоянного переосмысления в условиях меняющейся социальной реальности [11, с. 28–29], а Н.В. Макарейко подчеркивает, что любая мера государственного принуждения должна оставаться строго соразмерной, легитимной и не выходить за рамки правового поля [7, с. 350–351].

Прослеживание исторического пути развития явлений способствует выработке критериев и условий необходимого баланса между допустимым принуждением как обязательным элементом публичной власти и избыточным принуждением, разрушающим авторитет последней.

Условия современной цифровой трансформации, детерминирующей появление новых форм принуждения (цифровая сегрегация финансовых активов, транзакционное вето, биометрический контроль, геномная регистрация и другие) обуславливают новый подход к осмыслению природы этих мер и выработки правовых гарантий, обеспечивающих защиту прав и свобод граждан в условиях цифровизации государственного принуждения. Это определяет цель настоящего исследования – проведение системного историко-теоретического анализа эволюции государственного принуждения и определение правовых границ его применения в эпоху цифровизации с позиции «антропоцентризма».

Методы исследования

Методологическую основу исследования составили диалектический, историко-правовой, формально-юридический и системно-структурный методы, а также метод ретроспективного анализа.

Результаты исследования

Проведенный анализ эволюции института публичной власти и государственного принуждения позволяет сделать вывод о том, что процесс перехода от потестарной власти к государственной носил кумулятивный характер, где по мере укрепления государственности устанавливалась монополия на применение мер правового принуждения, а в процессе становления правового государства насилие трансформировалось в систему формально определенных юридических санкций; на современном технологическом этапе такое принуждение дополняется новыми видами санкций, осуществляемыми исключительно в цифровой среде и приобретающими все больший превентивный характер, что требует выработки новых правовых механизмов защиты прав человека, основанных на принципах справедливости, юридической определенности и «антропоцентризма», не допуская перерастания алгоритмического контроля в цифровой тоталитаризм.

Исследование историко-теоретического фундамента данного явления крайне необходимо, в том числе для понимания правовой природы вновь возникающих форм принуждения, а также прогнозирования дальнейшего пути их развития.

Теоретико-правовой анализ причин и условий трансформации власти из догосударственной в политическую и определение места государственного принуждения в этом процессе способствует выработке интегративного подхода к пониманию принуждения.

Научная дискуссия

Процесс эволюции мер принуждения происходил поэтапно. Он был обусловлен совокупным результатом системного воздействия ряда факторов. В юридической науке справедливо подчеркивается, что «строительный материал» регулятивной культуры накапливался постепенно¹. Одними из основных факторов, оказывающих влияние на данный процесс, являлись экономические предпосылки (неолитическая революция, возникновение излишков, институционализация частной собственности).

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М. : Юридическая литература, 1981. Т. 1. С. 52.

Этнографические данные свидетельствуют о том, что «накопление богатств происходило прежде всего в семьях родоплеменных главарей и вождей. Именно они были хранителями и распорядителями тех ценностей, которые первоначально принадлежали еще всей общине»¹.

Жан-Жак Руссо возникновение неравенства связывал с появлением частной собственности, так как когда один начал запасать пищу в количестве, необходимом для двоих, появились излишки, равенство и независимость исчезли. Это «цивилизовало людей и погубило человеческий род»². Из свободного человек становился подвластным. Богатые, боясь возможных издержек, причиненные их имуществу войной с другими членами общества, предложили объединиться в одну высшую силу, которой будут подчиняться и слабые, и могущественные. Такой высшей силой стала власть. Это «наложило новые путы на слабого и придало новые силы богатому».

Томас Гоббс рассматривал власть как «инструментальное могущество»³, то есть не естественное, данное природой, например, как внешние данные, врожденные умственные способности, а полученное в результате использования природных могуществ и при наличии определенных обстоятельств (в том числе случая, удачи и т.д.). Максимально возможное могущество слагалось из мнения большого количества членов общества, консолидированного договором, и перенесенного на одного субъекта – носителя власти. Феномен государственного принуждения отождествлялся с фигурой суверена.

Помимо экономических, огромную роль в процессе перехода играли и такие факторы, как рост численности и плотности населения, необходимость ведения регулярных войн, потребность в сборе даней для содержания войск, исчерпание мононормами своей способности к регулированию общественных отношений.

Таким образом, переход от потестарной формы власти к государственной не мог породить ни один из вышеперечисленных факторов в отдельности. Политическая власть – продукт усложнения всех сфер жизнедеятельности, форма интеграции общества не кровными узами, а правовыми институтами и аппаратом государственного принуждения. Причем переход носил не линейный, а кумулятивный характер – изменение одного элемента неизбежно влекло трансформацию остальных.

С.А. Дробышевский справедливо указывал, что «власть потестарная» была слита с обществом, принуждение являлось «инструментом самосохранения коллектива» [3, с. 78] и проявлялось посредством архаичных форм: кровная месть, остракизм и иные; действовали неписанные мононормы как обычные регуляторы общественных отношений.

С процессом укрепления государственности устанавливается монополия на применение мер правового принуждения. Только государство, обладающее специальным механизмом (дружина, армия), вправе применять принудительные меры, которые в свою очередь являются неотъемлемым элементом осуществления государственной власти. Принуждение в этот период характеризуется жестокостью, карательностью, носит показательный характер, защищая статус правящего лидера и порядок управления.

Как показывает историко-правовой материал, «в процессе укрепления раннеклассового государства отчетливо проявилась функция права как орудия регулирования отношений в обществе, в котором укреплялась система социального неравноправия. Связь развивающихся социально-экономических отношений, активной деятельности государства как аппарата насилия господствующего класса с совершенствованием права несомненна» [9, с. 77].

Претерпевая дальнейшие изменения, государственное принуждение перестает быть произволом правителя, очерчиваясь жесткими рамками правовой регламентации, происходит разделение властей, насилие трансформируется в систему юридических санкций.

Представители классической либеральной доктрины проницательно отмечали: «где кончается закон, начинается тирания»⁴, связывая защиту от насилия с необходимостью действия правителя в строгих рамках закона.

¹ Першиц А.И., Монгайт А.П., Алексеев В.П. История первобытного общества: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1982. С. 182.

² Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. Об общественном договоре: трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 1998. С. 113–114.

³ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 66.

⁴ Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 379.

В отечественной теории права, как указывает Е.Н. Козинникова, еще в конце XIX – начале XX вв. ученые – государствоведы детально исследовали сущность и пределы применения государственного принуждения, закладывая фундамент для его современного «обрамления» четкими правовыми границами [4, с. 23].

В.Е. Чиркин подчеркивал, что по мере развития цивилизации «уменьшается роль государственного принуждения, государство, его органы стремятся разрешать конфликты на базе компромиссов и консенсуса»¹.

С.С. Алексеев справедливо отмечал, что социальное регулирование приобретает «гуманитарные начала – обособление отдельного человека от «целого», обретение им качества автономной личности, самостоятельного индивида с социально обусловленной необходимостью обеспечения его свободы и отсюда создание и развитие общественных форм, направленных на обеспечение свободы и самостоятельности личности в экономике и общественно-политической жизни»².

В эпоху цифровизации наблюдается технологическая трансформация принуждения от физического воздействия к информационно-алгоритмическому контролю. Как отмечает Н.Н. Бурмистров, в условиях технологической революции происходит эволюция насилия: от классического физического принуждения общество переходит к латентным цифровым формам контроля [2, с. 107]. Е.В. Овчарова указывает на существенное влияние цифровой трансформации государственного управления на применение мер административного принуждения [8, с. 131–132], а А.П. Кочетков, А.Ю. Мамычев и А.Ю. Мордовцев характеризуют этот глобальный процесс как «цифровой транзит» публично-властных отношений, при котором меняется сама природа взаимодействия государства и личности [5, с. 114–115].

Наглядной иллюстрацией видоизменения классической административно-предупредительной меры в механизм цифрового принуждения является платформа «Знай своего клиента» Центрального банка Российской Федерации (далее – Банк России), функционирующая в соответствии с требованиями ст. 7.7 и 7.8 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»³. Так, на основе цифрового анализа баз данных информационная система Банка России, фактически осуществляя программно-аппаратную превенцию, совершает действия, направленные на прекращение правоспособности юридического лица, посредством предоставления в налоговый орган сведений об отнесении субъекта к группе высокой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций, являющихся основанием для исключения юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц.

Таким образом, традиционная административно-предупредительная мера (отказ в проведении операции в связи с подозрениями в легализации доходов, полученных преступным путем), ранее применявшаяся уполномоченным лицом по результатам проверки документов, замещена автоматизированной системой, осуществляющей алгоритмическую обработку баз данных и присваивающей каждому клиенту кредитной организации один из трех уровней риска (низкий, средний, высокий). В случае отнесения к высокому уровню риска субъект фактически ограничивается в проведении всех видов финансовых операций и претерпевает существенные негативные последствия. При этом строгая правовая определенность критериев отнесения субъекта к тому или иному уровню риска отсутствует, методика оценки основана на внутренних алгоритмах Банка России, которые в полной мере публично не оглашаются, что может привести к затруднению реализации права на судебную защиту.

Субъект, обладающий государственно-властными полномочиями, использует латентные автоматизированные методы регуляции (цифровые платформы, биометрия, система распознавания лиц), на смену физическому насилию приходит цифровое ограничение прав (блокировка счета, ограничение доступа к цифровому профилю).

¹ Чиркин В.Е. Государствоведение: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрист, 2000. С. 31.

² Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. С. 45.

³ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

Представляется, что в настоящее время основной целью является сохранение принципа «антропоцентризма» и недопущение поправа алгоритмическим принуждением основных прав и свобод человека.

Современный технологический превентивный контроль требует новых правовых механизмов обеспечения справедливости и защиты прав личности. В условиях цифровизации важно не сводить власть к коду и алгоритмам, забывая о правовых границах и правах человека.

В современной юридической науке В.В. Антонченко справедливо подчеркивает, что легитимное принуждение и право выступают ресурсами государственного и социального прогресса, поэтому по мере становления правового государства право начинает служить инструментом защиты фундаментальных ценностей, основных прав и свобод граждан, а не средством подавления. В связи с этим особое внимание следует уделить вопросу разграничения легального принуждения и государственного насилия [1, с. 164–168]. При регулировании общественных отношений предлагается переместить фокус внимания с принуждения на убеждение [11, с. 28–29], что во многом соотносится с концепциями юридической науки советского периода о постепенном снижении роли принуждения по мере развития общества¹.

Представляется необходимым рассмотрение публичной власти в эпоху цифровизации сквозь призму «антропоцентризма» как легитимную систему публично-правового регулирования и алгоритмизированного управления, где цифровые технологии выступают лишь инструментом, а главным регулятором является право, обеспечивающее легитимность, социальную справедливость и защиту прав человека.

А.С. Линников рассматривает цифровой правовой контроль как новую категорию, требующую строгого правового регулирования [6, с. 291]. Алгоритмизированное управление должно базироваться на ценностях справедливости, признания основополагающих прав и свобод человека как высшего блага и реализовываться государством через цифровой контроль исключительно в жестких границах правового поля, ни в коем случае не допуская цифрового тоталитаризма. Алгоритмы и программный код должны строго подчиняться праву, которое первично. Легитимная цифровая власть должна базироваться на доверии граждан к институтам информационной среды (дистанционному электронному голосованию, электронно-цифровой подписи, системе биометрической идентификации, цифровому экологическому и транспортному мониторингу и другим).

О необходимости выработки дополнительных правовых гарантий, направленных на недопущение тотального цифрового контроля, обоснованно указывается и в новейшей юридической литературе. В частности, П.Е. Федоров справедливо отмечает, что при утрате государством монополии на применение мер принуждения в цифровом пространстве и делегировании контрольных функций частным платформам («приватизированная цензура») необходима разработка доктрины «цифрового конституционализма» [10, с. 1420–1424], предполагающей необходимость строгого соблюдения принципов соразмерности и справедливости при применении любых форм цифрового принуждения.

По справедливому заявлению В.Е. Чиркина, «в современных условиях сложного мира очень важно уметь соединить роль специалистов (технократию) и демократию (власть народа)»².

Указанное коррелирует с высказанным в исследовании положением о необходимости анализа правового принуждения в эпоху цифровизации с позиций «антропоцентризма» и недопущение «алгоритмического тоталитаризма».

Проведенный анализ эволюции института публичной власти и государственного принуждения от потестарных форм к современным механизмам цифрового контроля позволяет сделать следующие выводы.

Процесс перехода от потестарной власти к государственной носил кумулятивный характер, где экономические, политические, демографические, военные и иные факторы действовали в тесной взаимосвязи. По мере укрепления государственности устанавливается монополия на применение мер правового принуждения посредством специального аппарата (дружины, армии), наблюдается ужесточение карательной политики. В процессе становления правового государства государственное

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия / отв. ред. Г.Н. Манов. М.: Юридическая литература, 1970. С. 515; Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1963. С. 57.

² Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 31.

принуждение приобретает характер формально определенных юридических санкций, регламентированных нормами материального и процессуального права. На современном технологическом этапе развития государственности такое принуждение дополняется новыми видами санкций, осуществляемыми исключительно в цифровой среде (блокировка и удаление контента), приобретает все больший превентивный характер, основанный на прогнозных алгоритмах, модернизируются формы его осуществления (ограничения вводятся автоматизированными системами без непосредственного участия человека, например, автоматическая фиксация нарушений правил дорожного движения).

Таким образом, государственное принуждение, сохранив свою сущностную природу как обязательный элемент поддержания состоятельности публичной власти, в условиях цифровой трансформации претерпевает глубокие качественные изменения в инструментальном и процессуальном аспектах. Переход от физического воздействия к латентному цифровому контролю требует выработки новых правовых механизмов защиты прав человека. Перспективы развития данного института должны определяться не технологическими возможностями, а правовыми ценностями, среди которых приоритетное место занимают справедливость и юридическая определенность. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку конкретных правовых механизмов, обеспечивающих баланс между публичными интересами и правами личности в эпоху развития информационных технологий, не допуская перерастания контроля в цифровой тоталитаризм.

Список использованной литературы:

1. Антонченко В.В. Легитимное принуждение и право как ресурсы государственного и социального прогресса. *Сибирское юридическое обозрение*. 2025;(2(22)):158–172.
2. Бурмистров Н.Н. Эволюция насилия в эпоху технологической революции: от физического принуждения к цифровым формам контроля. *Гуманитарий Юга России*. 2025;(1(14)):101–108.
3. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск: издательство Красноярского университета; 1995.
4. Козинникова Е.Н. Отечественное государствоведение конца XIX в. о сущности государственного принуждения и пределах его применения. *Искусство правоведения. The art of law*. 2023;(4(8)):23–28.
5. Кочетков А.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2022;(1(24)):109–134.
6. Линников А.С. Цифровой правовой контроль как новая цивилистическая категория. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2024;(2(64)):289–310.
7. Макарейко Н.В. Некоторые доктринальные проблемы государственного принуждения. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024;(2(66)):347–351.
8. Овчарова Е.В. Влияние цифровой трансформации государственного управления на применение мер административного принуждения и на развитие института административной ответственности (на примере налогового администрирования). *Правовая*

References:

1. Antonchenko V.V. [Legitimate coercion and law as resources of state and social progress]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*. 2025;(2(22)):158–172. (In Russ.)]
2. Burmistrov N.N. [The evolution of violence in the era of technological revolution: from physical coercion to digital forms of control]. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2025;(1(14)):101–108. (In Russ.)]
3. Drobyshevskiy S.A. [Political organization of society and law as phenomena of social evolution]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta; 1995. (In Russ.)]
4. Kozinnikova E.N. [Russian state studies of the late 19th century on the essence of state coercion and the limits of its application]. *Iskusstvo pravovedeniya = The Art of Law*. 2023;(4(8)):23–28. (In Russ.)]
5. Kochetkov A.P., Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu. ["Digital transit" of public power relations: general and elite characteristics]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo = Pacific Rim: Economics, Politics, Law*. 2022;(1(24)):109–134. (In Russ.)]
6. Linnikov A.S. [Digital legal control as a new civil law category]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2024;(2(64)):289–310. (In Russ.)]
7. Makareyko N.V. [Some doctrinal problems of state coercion]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(2(66)):347–351. (In Russ.)]
8. Ovcharova E.V. [The impact of the digital transformation of public administration on the application of administrative coercion measures and on the development of the institution of administrative liability (on the example of tax administration)]. *Pravovaya*

политика и правовая жизнь. 2022;(2):129–136.

9. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юридическая литература; 1988.

10. Федоров П.Е. Трансформация принципа свободы в цифровом пространстве – от открытого интернета к режимам цифрового суверенитета: публично-правовое измерение. *Baikal Research Journal*. 2025;(4(16)):1413–1428.

11. Чернова Л.С. Современные концепции принуждения в теории права. *Право и управление. XXI век*. 2023;(1(19)):23–30.

politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life. 2022;(2):129–136. (In Russ.)]

9. Sverdlov M.B. [From the Russian Law to the Russkaya Pravda]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1988. (In Russ.)]

10. Fedorov P.E. [Transformation of the principle of freedom in the digital space – from the open Internet to regimes of digital sovereignty: a public law dimension]. *Baikal Research Journal*. 2025;(4(16)):1413–1428. (In Russ.)]

11. Chernova L.S. [Modern concepts of coercion in the theory of law]. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Law and Administration. XXI Century*. 2023;(1(19)):23–30. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ширяева Татьяна Юрьевна

аспирант ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», прокурор отдела по рассмотрению обращений и приему граждан прокуратуры Краснодарского края

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Yu. Shiryaeva

Postgraduate Student of the FGKOU VO "The University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation", Prosecutor of the Department for Consideration of Appeals and Reception of Citizens of the Prosecutor's Office of the Krasnodar Territory